

745.46

1-830

Известия

ГОСУДАРСТВЕННОЙ
АКАДЕМИИ
ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

В. ГРИГОРЬЕВ

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ
ПРОИЗВОДСТВА
КЕРАМИКИ
ТАДЖИКОВ**

Том X

вып. 10

1931

957

1957

1965 г.

1978

Г. В. ГРИГОРЬЕВ

G. GRIGORIEW

Архаические черты в производстве керамики горных таджиков

Archaische Züge der Töpferei der Tadjiken des Hochlandes

745.16

Г-83

Яфетическая теория как новое учение о языке, применяющая метод диалектического материализма в области языковых исследований, заняла прочное место в советской науке, и выводы ее могут быть с успехом применены при изучении истории материальной культуры.

Но достижения ее, к сожалению, применяются узким кругом научных работников-яфетидологов и медленно, с трудом проникают как в среду историков материальной культуры, так и в широкие массы трудящихся. Одной из причин такой замкнутости является то, что значительная часть яфетидологических работ посвящена разработке теоретических вопросов, а массовый материал в новом яфетидологическом освещении подается сравнительно мало. А между тем, в самых ограниченных пределах, на явлениях, встречающихся историку материальной культуры и этнографу на каждом шагу, мы можем применять выводы яфетидологии и иллюстрировать ее положения более или менее убедительными фактами.

В этой именно установке и сделана настоящая работа.

Несколько слов об источниках: главным и почти единственным источником о гончарном производстве у горных таджиков является статья Е. М. Пещеревой.¹ Сообщения ее достаточно убедительны, так как работа сделана тщательно, автор владеет местными языками и, как женщина, имела доступ в те области быта, в которые доступ мужчине почти невозможен. К тому же эта работа лишь описание процесса без малейшей попытки какого-либо анализа, а потому легко поддается интерпретации.

Весь процесс гончарного производства у горных таджиков, в частности у ягнобцев,² проникнут архаическими чертами. Прежде всего эту работу выполняют исключительно женщины; гончар-

¹ Известия Среднеазиатского Географ. О-ва, т. XIX, 1929 г. Ташкент. В дальнейшем изложении все слова, взятые в кавычки и не оговоренные в сноске, взяты из указанной статьи.

² Ягнобцев причисляют к таджикам,

хотя они и говорят на языке, являющемся потомком языка согдийцев. См. В. В. Бартольд, К вопросу об языках согдийском и тохарском, Иран, т. I, 1926.

ного круга нет — его роль выполняет плоский камень [зачатки круга мы видим у соседящего с ягнобцами таджикоязычного населения в виде *binniki* („біннікі“ — транскрипция Е. М. Пещеревой), ¹ лепешки из глины, смешанной с навозом, которая ставится на опрокинутый горшок или камень и вращается рукой]. Посуда делается посредством налепа валиков из глины один на другой. Затем сделанная таким образом посуда обжигается без печей на вольном огне.

Еще показательнее общественная сторона процесса. К производству керамики приступают лишь в определенное время по решению старшей мастерицы (раз в году, в самое сухое время года).

Все мастерицы составляют своего рода организацию во главе со „старшей“, каковой является „самая почтенная и искусная мастерица“. Но мастерство, собственно, ограничивается лишь самой выделкой посуды, а вся предварительная работа — приготовление глины, заготовка топлива, а затем обжиг — производится теми, для кого посуда делается, так что здесь еще производство наполовину домашнее. Плату за работу мастерица получает натурой в виде нескольких яиц или просто угощения а „иногда ей просто отплачивают какими-нибудь услугами“. Мастерица первым делом изготавливает посуду для себя, а потом для родни, а потом уже посторонним и на продажу.

Мастерство наследственно: „дочери научаются мастерству у матери“. Уже существует ученичество — старшая берет себе на выучку ученицу со стороны... Когда новая мастерица заканчивает свою выучку, она устраивает у себя дома угощение для всех мастериц и подносит старшей за выучку подарок, обычно несколько аршин белой бумажной материи“.

Соблюдается ритуал посвящения ученицы в мастерицы: „старшая во время этого собрания читает особую молитву, благословляя новую мастерицу, после чего та может уже заниматься мастерством“.

Налицо также дух — покровитель гончаров.

Все эти черты общественной стороны процесса несомненно указывают на то, что здесь мастерство стоит на грани между домашним производством и ремеслом, как таковым, и даже в цеховых его формах. Здесь еще технического разделения труда полностью не произошло. Эксплуатация и ее пути только лишь намечаются, все это в мизерных размерах, в натуральной форме (плата за выучку, за выделку посуды).

В Средней Азии вообще большинство, если не все, ремесла имеют цеховое устройство, а потому возникает вопрос: не являются ли для данного производства черты, отмеченные выше, чем-то заимствованным, известным копированием с более раз-

¹ Транскрипция везде дается яфетидологическая, в скобках дана тран-

скрипция, приведенная Е. М. Пещеревой.

витых и организованных производств? Но этот вопрос сам по себе отпадает, если мы обратим внимание на то, что все эти черты цехового устройства прямо вытекают из данного состояния производства, нисколько ему не противореча. Поэтому здесь можно говорить как раз об обратном: о стадии и обстановке зарождения цеха в основных его чертах на территории Средней Азии.

Одна черта в процессе производства обращает на себя особое внимание — это коллективное производство обжига посуды: „... почти всегда при обжигании посуды несколько мастериц объединяются вместе, а знаков собственности, за редкими исключениями, не ставится; они ухитряются уложить посуду так, что в общей куче, сложенной очень плотно, посуда каждой мастерицы укладывается в особую кучку и смешать ее с чужой нельзя“. Здесь встает вопрос: не является ли этот момент рудиментом коллективного производства керамики вообще и не являлось ли в предшествующее время все производство коллективным? Мне кажется, что в данном случае это есть лишь момент целесообразного и экономического использования топлива, так как простое сложение разрозненных количеств топлива в общем дает больший эффект, так как в общем костре достигается большая температура. С другой стороны, здесь обеспечено наблюдение самых опытных и искусных мастериц.

Конечно, было бы заманчиво обнаружить черты общинного, семейно-родового быта в данной среде, но имеющийся материал не позволяет делать каких-либо выводов, тем более, что керамическое производство никогда не является определяющим производством и, по словам Маркса, является менее показательным для характеристики определенной эпохи общественного производства, чем механические средства труда.¹

Для этого надо взять данное общество в целом, учитывая основные средства труда, а это не является целью настоящей работы.

Все производство керамики от начала до конца имеет ярко выраженный магический характер (характер магического процесса, по словам Н. Я. Марра). Оно имеет „табу“ в отношении определенных дней и месяцев. „Понедельник, вторник, четверг считаются несчастливыми днями, и обжигания в них не производится. Месяц сафар — второй месяц в году — считается самым плохим в году“. К месту обжига допускаются только женщины и дети, причем не допускаются женщины, находящиеся в периоде менструации и обладающие светлым цветом кожи, чтобы посуда не получилась бледной. Первый сосуд ставит „старшая“ или ребенок; при этом произносится заклинание, обращенное к духу-покровителю. Поджигается костер посредством палочек, взятых с перекрестка. При этом сжигаются и экскременты собаки, явля-

¹ Капитал, т. I, стр. 121—122.

ющиеся вообще в быту среднеазиатских народов магическим средством.

С громкими криками *qumb-daryo* („хумб-дарьо“) женщины с прыжками оббегают зажженный костер, размахивая платками. Всю ночь до утра идут пляски и пение. В некоторых местах изготавливают кукол, изображающих духов—покровителей гончаров,—которых сажают на почетное место и делают вид, что разговаривают с ними. Затем их хоронят на кладбище. Весь процесс носит характер праздника — производственного праздника с пиршеством, — очевидно, формой жертвоприношения. Но не только процесс, но и сам объект его, сосуд, подвергается магическому воздействию. В нем, и этом ягнобском сосуде, мы можем усмотреть явные следы антропоморфизации. Значение ее уже, очевидно, забыто, но магическое (пралогическое по Леви-Брюлю) мышление, сохраняющее свою полную силу в данной среде, заставляет все вновь и вновь воспроизводить ту же самую форму, так как „какой-нибудь сосуд с определенной традиционной формой может служить лишь для той цели, для которой всегда служили сосуды подобной формы,¹ и обратно—для определенной цели может служить лишь сосуд определенной формы, причем особенности его формы и поверхности могут уже терять свое первоначальное осмысление и принимают орнаментальное значение.“

„В ягнобской маслобойке внутри на дне имеется шишечка *pizza* („пизза“), от которой, как говорят, зависит качество и количество сбиваемого масла. Мастерница, сделав дно маслобойки и нижнюю ее часть (на $\frac{1}{3}$ высоты всего сосуда), берет кусок глины и, прилепив ее на дно сосуда, созывает соседок, и те, подходя по очереди, крепко нажимают указательным пальцем правой руки на этот кусок глины и, глядя при этом обязательно на одну из окружающих высоких гор, произносят *qəšt-qəšt* (хышьт-хышьт) „кирпич, кирпич“,² для того, чтобы в будущей маслобойке масло выходило большое, как гора, и твердое, как кирпич“. Эта картина целиком и полностью переносит нас в обстановку пралогического мышления (труд-магического процесса); в самом деле, здесь посредством комплекса магических действий посредством взгляда, слова и руки устанавливается магическое сопричастие между горой (ее силой, ее качеством „духом“), высотой, кирпичом (пока будем так называть его, его качеством, крепостью)—и маслом в целях воздействия (заражения) этих качеств на последнюю. При этом ясно, что для данного мышления факт наличия известного количества сливок для получения определенного количества масла еще недостаточен. Решающее значение здесь принадлежит магическому действию, ибо причина и следствие здесь еще не в достаточной мере подчинены законам логики, а действуют на основании закона сопричастия, устанавливаемого

¹ Леви-Брюль, Первобытное мышление. Атеист, 1930, стр. 24.

² Подчеркнуто мной Г. Г.

магическим путем. То же мы видим и при обжиге: здесь, удаляя женщин с бледным лицом, избегая дня с облачным небом, тем самым прерывают вредную партиципацию (сопричастие)—в первом случае, чтобы не передалась посуде бледность (хотя великолепно известно, что это действие недостаточного обжига), а во втором—чтобы не получилась посуда пестрая, с неровным обжигом. То же мы видим и в ряде других моментов. Крик женщин вокруг костра „qumb-daryo“ (хумб-дарьџо) ¹ должен дать пламени мощность и непрерывность реки.

Теперь о слове qəšt (хышт). Действительно, в настоящее время в таджикском да и в узбекском языке это слово означает 'кирпич', но в данном случае принять его в этом значении совершенно невозможно. Это будет чисто формальным объяснением, извращающим смысл данного явления, глубоким анахронизмом. В самом деле, в Ягнобе, горной нищенской стране, где камень, голый камень, производит доминирующее впечатление, где строительным материалом является почти исключительно камень и где кирпич—редкое явление, вдруг в магическом заклинании, от которого веет глубокой древностью, для выражения крепости берется не камень, а кирпич. А между тем здесь, в этом случае с маслобойкой, это не кирпич, а именно камень. ² Палеонтологический анализ с несомненностью убеждает нас в этом. В самом деле: как мог получить свое название кирпич? Очевидно, только через функцию, функцию строительного материала, а потому он должен нести на себе следы своего предшественника по функции, на место которого он пришел, и, как наследник, потомок, несет имя своего предшественника. Тогда все понятно. Слово qəšt („хышт“) когда-то означало 'камень', а потом по функции перешло на 'кирпич', а 'камень'—это синоним 'крепости' почти во всех языках; остальные народы, как, например, тасманийцы, не имеют слов для выражения отвлеченных понятий... Для обозначения твердости они говорят: 'как камень'. ³ Характерно, что в нашем случае фигурирует только одно слово qəšt (хышт), слова же 'твердый' (прилагательного) не имеется, между тем прилагательное, по Н. Я. Марру, как понятие отвлеченное,—явление позднейшее.

Еще одна сторона в разбираемом примере обращает на себя внимание. Здесь рука, слово и взгляд играют одинаковую роль. Палеонтология речи и сравнительная этнология доказали, что звуковой речи предшествовала линейная, кинетическая, ручная, по выражению Н. Я. Марра, речь, когда человек говорил языком жестов. ⁴ Затем с развитием общества, с усложнением социально-хозяйственных отношений, вытесняя ручную речь, возникает и развивается речь звуковая. Но как кинетическую, так и

¹ qumb — 'место обжига', 'костер', daryo 'река'.

² Развиваю мысль Н. Я. Марра.

³ Леви Брюль, ук. соч., стр. 112.

⁴ См. Н. Я. Марр, Язык и письмо.

звуковую речь дополняет еще одно средство передачи мысли — это мимика — лицо и на первом месте глаза. Была ли мимика когда-либо самостоятельной и главной речью? На этот вопрос положительного ответа еще нет, но что она входила в состав кинетической речи, а затем и звуковой — это несомненно. И в нашем примере мы видим, что в одном комплексе сошлись три разные формы выражения мысли: 'глаза', 'руки', 'слово'. Все они совершенно равноправно отправляют единую функцию в магическом процессе. Но слово, звуковое слово, которое при этом произносится, это не наше индо-европейское слово. Это слово по своему составу представляет диффузное слово-звук *qəšt*. Для

таджикского, уже индо-европейского языка, это слово не характерно — это явно переживание более древней, очевидно, яфетической стадии в языке.

Таким образом, мы видим, что не только производительная деятельность в данной среде, но и ее представления — мышление, а за ним и язык — насквозь проникнуты архаическими чертами. Между прочим, совсем не обязательно, чтобы весь уклад жизни во всех отношениях стоял на том же уровне развития (хотя, как мы увидим ниже, экономический уровень данной среды чрезвычайно невысок). Весьма вероятно, что в других областях хозяйства и мышления

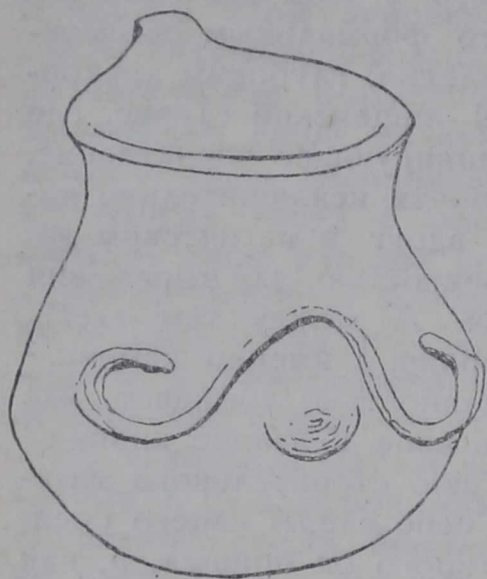

Рис. 1.

произошли далеко пошедшие сдвиги. Уже факт значительного отаджичивания ягнобского языка говорит за это.

Но если весь процесс производства керамики облечен и насквозь проникнут магическими действиями, представляя собою ряд магических действий, труд-магический процесс в целом, то несомненно и на главном виновнике этого процесса — на сосуде — должна отразиться и оставить свой след та же магическая сущность. И в самом деле — „обычным украшением“ *kālla* „служит небольшой бугорок *ḡiḡa* („чича“) на передней части кувшина и несколько продольных рубчиков на ручке. Реже кувшины над *ḡiḡa* имеют еще выпуклый орнамент „накшинак“ — единственный рисунок во всех ягнобских вещах. Кроме Ягноба, этот орнамент вообще нигде не встречается. Но я думаю, что автор ошибается, так как такой „орнамент“ встречается, правда, не в живом быту, а во втором городе Трое-Гисарлыке, относимом ко 2-му тысячелетию до н. э. На рисунке 1 дана прорисовка современного сосуда ягнобцев с фот. М. С. Андреева. Подобные же сосуды мы видим и на фотографиях, приложенных к статье Е. М. Пещеревой. Большое количество подобных сосудов имеется в МАЭ

АН СССР. Между прочим там имеется и сосуд с двумя *џида*, расположенными рядом. На рисунке 2 представлены сосуды из раскопок Шлимана в Гисарлыке-Трое.¹ Вообще антропоморфные сосуды не редкое явление и более или менее сходны между собой уже по одному тому, что носят на себе черты человеческого тела, но брать их во всемирном масштабе и итти методом исключения не входило в мою задачу: я выбрал наиболее близкие параллели, достаточные, по моему мнению, для доказательства действительной архаичности керамики горных таджиков. Ближайшую и несомненную параллель мы видим в представленных сосудах; в троянских сосудах на одном мы явно видим лицо, две груди, половой орган. На третьем вместо груди имеется налп-

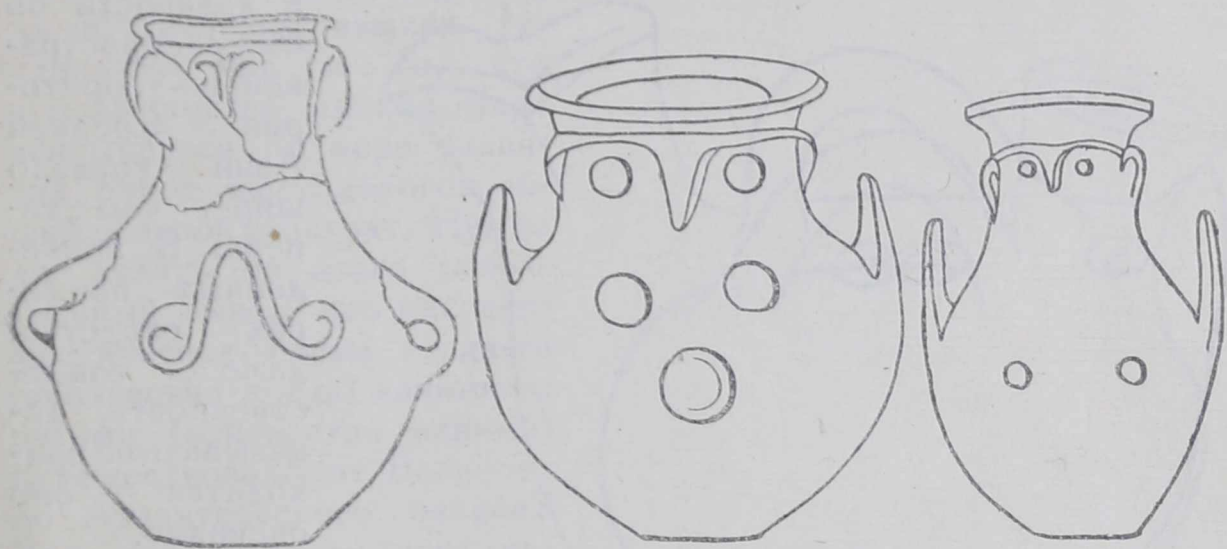

Рис. 2.

ная спираль. Ту же спираль на том же месте сосуда мы видим на ягнобском сосуде (рис. 1). Здесь нет лица но зато шишечка на сосуде носит название *џида* („чича“), что по-ягнобски значит ‘женская грудь’. Заметим, что по-грузински ‘женская грудь’ звучит *џи-џа*, что является лишь озвончением *џида*, с переходом шипящего сибиллянта ш (наличного в *џ*) в свистящее s (при озвончении z). Здесь с уверенностью можно говорить о том, что слово *џида* — слово яфетическое. Того же самого состава и то же самое значение имеет и русское *ти-та*. Совершенно очевидно, что перед нами, действительно, сосуд с антропоморфными чертами; совершенно несомненно, что он был когда-то осмыслен и нес свою функцию в труд-магическом процессе; совершенно несомненно и то, что по сию пору это еще не просто „орнамент“: мы видели, что весь процесс производства не вышел еще из стадии труд-магического процесса. Данное явление интересно еще для понимания назначения подобных сосудов в древности: боль-

¹ У De Morgan'a в „L'humanité pré-historique“ приведен подобный сосуд с острова Кипра.

шинство археологов отрицают возможность применения подобных сосудов для хозяйственных целей. Здесь же на живом примере мы видим, что это вполне допустимо. Величина этих сосудов колеблется от самых мелких до очень значительных (емкостью в несколько литров). Они служат как для воды, так и для хранения жиров.

Широко распространен у горных таджиков другой вид сосудов *murg'-obi* („мург-оби“), что значит 'утка'. На рисунке 3 дан сосуд таджиков, на рис. 4 из раскопок Шлимана в Гисарлыке и на рис. 5 сосуд из Воло.¹ Подобный же сосуд приведен у Е. М. Пещеревой как найденный в кургане у с. Ургура (равнинная предгорная местность, недалеко от Самарканда). Таким образом,

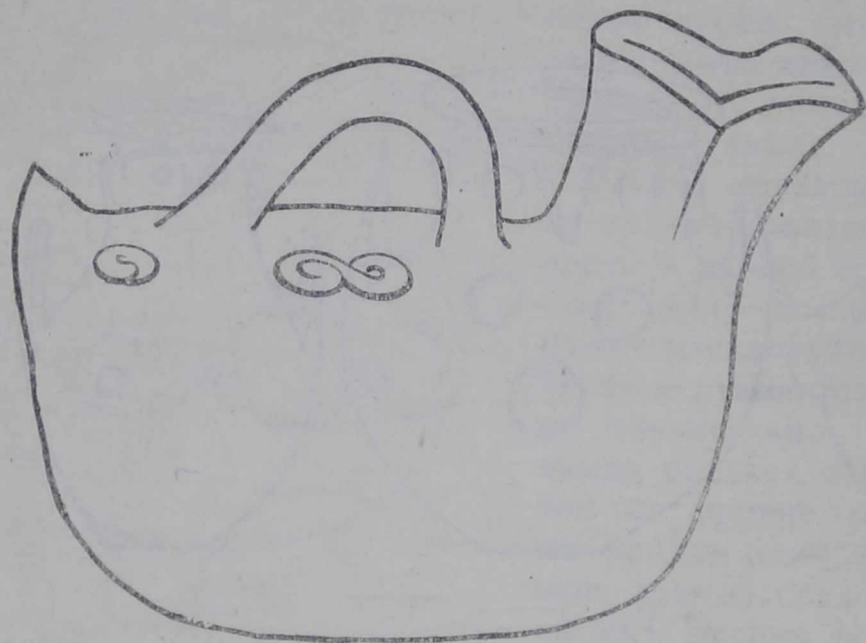

Рис. 3.

в древности он был распространен по территории Средней Азии гораздо шире, чем теперь. В приведенных примерах сходство, даже тождественность, доказывать не приходится — оно очевидно.

Таким образом между Средиземноморьем и глубокими ущельями при-

памирских гор как будто бы устанавливается связь, правда, пока что всего лишь в формах керамики. Допустим на минуту, что этого достаточно, что связь эта научно доказана и на других материалах (между прочим, в языке она доказана Н. Я. Марром): что из этого следует? Раньше в археологии могли быть два решения: первое, исходящее из формулы *lux ex oriente*, доказывающее, что вообще народы, а с ними и культура двигались с Востока.² Таким образом, часть ягнобцев когда-то, в доисторические времена, двинулась на запад и принесла с собой в Средиземноморье свою материальную культуру, часть которой в виде сосудов мы имеем в Трое. Другое решение — миграция с запада на восток, даже с абсолютной хронологией: по разрушении Трои коалицией греков оставшиеся троянцы побежали на восток и че-

¹ О. Montelius, *La Grèce préclassique*, 1924, табл. 99.

² Критику всех этих теорий см. у И. И. Мещанинова: „О доисторическом

переселении народов“, Вестник Ком. Академии, 1928, № 29 (5), стр. 190—238 и „Палеоэтнология и homo sapiens“, ИГАИМК, т. VI, в. 7, 1930.

рез горы и пустыни наконец добрались до Ягноба и там осели. И подобные построения, весьма вероятно, нашли бы свое признание в индо-европейской археологии, так как они все же были бы обоснованнее, чем признание, например, археологами наличия племен „ленточного и шнурового орнамента“. ¹ Археологи доходят даже до утверждения, что „по мере того, как борются эти племена, один орнамент одолевает другой.“ ² Предложенные решения вопроса явно несостоятельны. Почему мы должны удивляться этому сходству в материальной культуре и искать объяснения в миграциях, если нас уже не удивляет, ³ что и на Кавказе, и в Пиренеях, и в высокогорных ущельях Гималаев, и на Волге живут в настоящее время яфетиды, т. е. люди, говорящие на яфетических языках. Не удивляет нас и то, что в большинстве языков мира вскрывается по мере развития работ яфетидологов общий речевой субстрат. Нужно ли делать из этого обязательный вывод, что какое-то яфетическое племя когда-то (неизвестно когда) какими-то путями (неизвестно какими) путешествовало от Великого до Атлантического океана? Ведь если человек стал человеком в одном месте земного шара, то ведь в течение миллионов лет он скорее растекался, чем переселялся по всей земле. Очевидно,

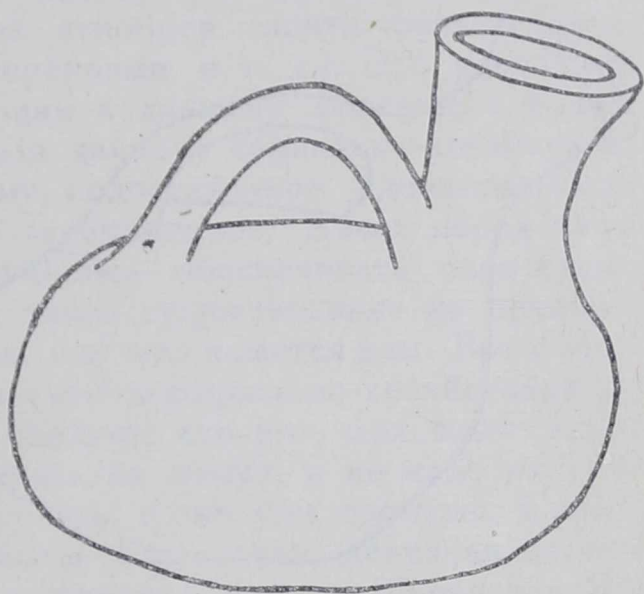

Рис. 4.

нет; очевидно, единственным правильным решением вопроса будет признание, что и материальная культура и язык на известной стадии были общими и для Средиземноморья и для Средней Азии, и только потом под влиянием потребности, под влиянием социально-экономических условий, стала возникать индо-европейская речь, а яфетический мир стал, трансформируясь, таять, и только местами, в особых условиях географической и социальной изоляции, остатки этой речи сохраняются.

Ягнобцы говорят на языке, являющемся прямым потомком языка согдийцев, ⁴ на котором говорило население Туркестана до его иранизации, каковой процесс можно считать в основном законченным в X в. н. э. ⁵ Процесс окончательного таяния его

¹ И. И. Мещанинов, Палеоэтнология
и homo sapiens.

² Там же.

³ После работ Н. Я. Марра.

⁴ В. В. Бартольд, Сborn. Таджикистан.

1925, Ташкент.

⁵ В. В. Бартольд, К вопросу об языках согдийском и тохарском, Иран, т. I, 1926.

продолжается и в наши дни. В настоящее время ягнобцев насчитывается всего 1200 душ.¹ Их кишлаки расположены в самых мрачных, уже безлесных ущельях, на высоте, где не всегда вызревает пшеница. Свой язык они быстро забывают: так, с 1881 г. по 1906 г. жители селений Кирионте и Дехикалон забыли свой язык.² И никто их не „уничтожает“, никто не „вытесняет“, они были и остались теми же людьми, меняя свой язык на таджикский, со своей стороны ассимилируя его и делая в него свой вклад. И надо думать, что и согдийский язык не из начала был их, богом данным, языком. В. В. Бартольд говорит,³ что он есть лишь потомок языка согдийцев VII—X вв. Тем более в праве мы предполагать, что и этот язык не был их первоначальным языком, а развился из какого-то стадильно предшествовавшего языка.

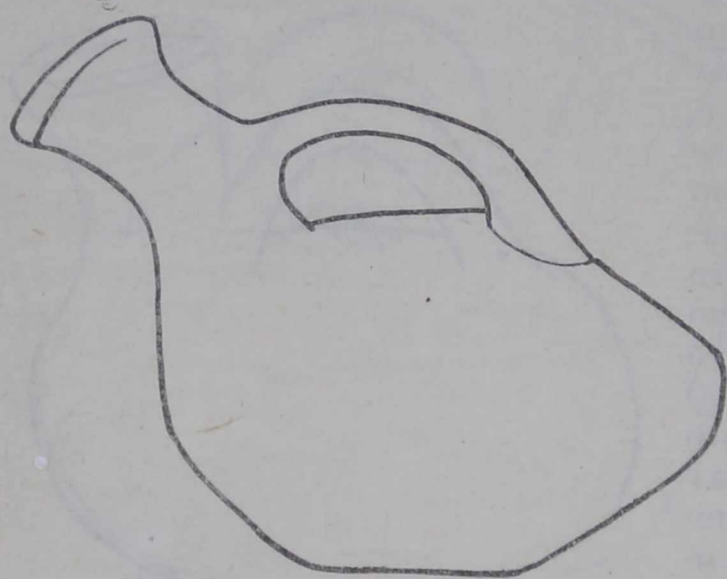

Рис. 5.

Еще одно, возможное с точки зрения яфетической теории решение: это конвергенция — возможность того, что одинаковые социально-хозяйственные условия могут создать и одинаковые формы мышления и даже формы материальной культуры. Конечно, и такое решение в данном случае не противоречит пер-

вому, но к нему надо приходиться с чрезвычайной осторожностью, лишь в случае абсолютной уверенности в отсутствии прямых связей, так как то, в каких формах материально проявится данное мышление, зависит от самых разнообразных, часто случайных причин, и совпадения — явления чрезвычайно редкие.

Вернее всего предполагать здесь более замедленную, чем в Средиземноморье, трансформацию одного и того же общества. Здесь можно возразить, что на территории между Ягнобом и Средиземноморьем тождественных форм встречено не было. На это можно ответить, что на территории среднеазиатских республик вообще за исключением раскопок Помпелли почти никакой „доистории“ обнаружено не было, да ее специально и не искали. Вообще, если что-нибудь не найдено, еще вовсе не значит, что не будет найдено.

¹ Н. Г. Малицкий, Изв. Турк. Отд. РГО, 1924, т. XVII.

² Там же.

³ В. В. Бартольд, К вопросу об языках согдийском и тохарском. Иран, т. I.

К сожалению, на этом приходится оборвать работу, ибо самого важного, решающего момента — вскрытия зависимости данного состояния мышления и производства от социально-хозяйственного фундамента, взаимной их увязки, степени показательности данной стороны хозяйственной деятельности — гончарного производства — для общества в целом я вскрыть не могу, так как на этот счет располагаю чрезвычайно скудными и, главное, суммарными сведениями.*

Для нашего времени мировых масштабов и для нашего мышления неважными кажутся часто едва (для нас) заметные модальности в мышлении и деятельности людей далекого прошлого, живущих в настоящем; наша статистика, наши исследования, даже этнографические, страдают значительной суммарностью, не учитывающей часто главного. У нас просто поражаются крайней нищете и мизерности хозяйства ягнобцев (почти обязательные голодовки, $\frac{1}{4}$ года питание кореньями и т. д.). Это удивление имеет корнем то, что мы подходим к данному явлению с нашей точки зрения. А между тем, для данного социально-хозяйственного уровня такое, по-нашему, недостаточное удовлетворение потребностей — явление вполне закономерное. Здесь перед нами общество, которое еще не научилось обеспечивать свое существование на круглый год. И такое существование не представляет для него такого кошмара, как это кажется нам. Вот с этой точки зрения надо подойти к изучению социально-хозяйственного уклада ягнобцев. Из этого не следует, что вот, мол, живут люди звероподобно и счастливы, и пусть их живут, и не надо их трогать. Неправильно. Их надо трогать, и они уже тронуты. Советская власть для них строит школы. Кштутская железная дорога врежется в самое сердце Заравшанских гор, подбираясь к Ягнобу. Мы не в праве консервировать отдельные народы. Историческая наука тем отличается от прочих наук, что не может производить эксперименты. Все человечество целиком создает историю человеческого общества, и ни одна его часть не может быть исключением из этого процесса.

Тем ответственнее наше время за возможно полное и правильное изучение уходящего на наших глазах быта.

ZUSAMMENFASSUNG

Es wohnen heut - zu Tage im Oberlauf des Sarowschan, am Flüsschen Jagnob bis 1200 Jagnoben, deren Muttersprache ein Nachkomme der Sogdiischen ist. Die letzte war in Zentral Asien vor der arabischen Eroberung im Gebrauch und erlitt seitdem Einflüsse des Tadjikischen.

Die Topferkunst der Jagnoben erweist durch und durch archaische Züge und stellt ein Erwerbs-magisches Prozess vor. Sie wird aus-

schließlich von Frauen ausgeübt und ist im wesentlichen ein Haushandwerk. Es lassen sich manche Hauptzüge der Zunftbildung nachweisen: die Wahl der forstehenden Meisterin, die Einweihung des Lehrlings zu Meisterin, Opferfeste, Gottheiten der Töpferei usw. Die Gefässe werden ohne Anwendung der Drehscheibe hergestellt.

Höchst merkwürdig sind die Gefässformen. Die Kannen die etwa 10 bis 50 cm hoch sind, haben auf der dem Henkel gegenüber liegenden Aussenseite einen Ansatz in Form einer weiblichen Brust und als weibliche Brust genannt. Die Analyse des Namens erweist gemeinschaftliches zwischen den Russischen, Jagnobischen und Georgischen. Es gibt ausserdem noch ein spiralförmiger Ansatz. Parallelen zu den beiden Arten geben uns Schliemann's Ausgrabungen in Hissarlyk-Troja. Recht häufig kommt noch ein Gefäss vor, welches den Namen 'Ente' trägt. Aehnliche Gefässe waren zur Zeit im Mittelmeergebiet sehr verbreitet.

Wenn man nun die Hauptzüge gesamt nimmt, so sprechen die primitive Technik, die Gefässformen, der magische Arbeitsprozess davon, dass wir hier in den Gebirgen Sarowschans den Ueberbleibsel jener Entwicklungsstufe haben, die im Mittelmeergebiet um das II Jahrtausend vor u. ä. stattfand, welcher auf Grunde einer zurückbleibenden Wirtschaftsform gewachsen ist.

